

Всем доказать, что тени правды нет
В его словах, что в них сплошная ложь.
Судье, однако, было невтерпеж,
И он изрек: «Пора прикончить спор!
Такой я объявляю приговор:
Истец свою рабыню может взять;
Отныне у себя ее держать
Не вправе ты. Пусть явится сюда
И под охраной состоит суда».
Услышав этот гнусный приговор,
Велевший дочь родную на позор
Отдать судье, пошел домой Виргиний,
Душою утопая в злой кручине.
Вернувшись, в комнате своей он сел
И тотчас дочь позвать к себе велел.
Когда она вошла и села рядом,
Он на нее взглянул потухшим взглядом.
Хоть жалость сердце отчее и жгла,
В решении был тверд он, как скала.
«Виргинья, дочь моя, – сказал он ей,
Перед тобой один из двух путей:
Смерть иль позор. Зачем родился я,
Раз мне дожить пришлось, о дочь моя,
До дня, когда тебе, моя отрада,
От острого меча погибнуть надо?
Превыше света божьего любя,
Как ласково лелеял я тебя,
О дочь, последнее мое мученье,
Последнее в сей жизни утешенье!
Жемчужина небесной чистоты,
Сбой горький рек прими смиренно ты,
Тебя убьет не ненависть – любовь.
Моей рукой твоя прольется кровь.
Ты повстречалась Аппию на горе, -
Сказалось это в подлом приговоре».
И все ей рассказал он, – вам опять
Излишне это было б повторять.

«Отец родной, я так еще юна,
Я жить хочу, – воскликнула она,
Ему руками шею обвивая
(Привычка у нее была такая),
И слезы брызнули из чудных глаз. -
Ужель, отец, пришел мой смертный час?»